

А. В. ДЕСНИЦКАЯ

О МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ АЛБАНСКОГО ЯЗЫКА

Албанский язык до сих пор привлекал к себе мало внимания со стороны представителей как общего, так и индоевропейского языкознания, поскольку с точки зрения классического сравнительного языкознания, стремившегося прежде всего определить древнейшее общесходное состояние, этот язык давал мало материалов для реконструкции. Между тем албанский язык является единственным живым представителем исчезнувшей группы индоевропейских языков, которую очень условно (имея в виду, что здесь речь идет, в сущности, о почти неизвестной величине) можно обозначить как «иллиро-фракийскую». Восстановление основных элементов структуры древнеалбанского языка могло бы стать дополнительным источником сведений об исчезнувших группах индоевропейских языков, исследование которых за последние годы сильно продвинулось вперед благодаря новейшим открытиям. Изучение грамматической структуры албанского языка важно не только с точки зрения обогащения материалов сравнительной грамматики индоевропейских языков, но и с точки зрения грамматической типологии этих языков в их современном состоянии; структура албанского языка представляет не меньший интерес, чем структуры других современных языков индоевропейской семьи, и при постановке вопроса о том, в каком направлении происходило и могло происходить развитие грамматического строя отдельных индоевропейских языков.

Начало сравнительно-исторических изысканий в области грамматики албанского языка было положено еще в XIX в. работами Фр. Боппа и Г. Мейера. Исследование некоторых особенностей албанской морфологической структуры было позднее существенно углублено в трудах Г. Педерсена и Н. Йокля. Однако общего описания основных элементов албанской морфологии в свете данных сравнительной грамматики индоевропейских языков нет до сего времени¹. Такое описание в настоящий момент еще не может быть сделано, так как большинство вопросов, связанных с происхождением и историей развития элементов морфологической структуры современного языка, пока остается неисследованным, и картина соотношения очень многих албанских форм с общеиндоевропейскими все еще недостаточно ясна. Статья, предлагаемая вниманию читателей, представляет собою опыт общей характеристики морфологического строения албанского языка.

*

Структура албанского языка в общих своих чертах сходна со структурами большинства современных индоевропейских языков, в которых

¹ «Грамматика албанского языка» Г. Пекмези (G. P e k m e z i, Grammatik der albanesischen Sprache, Wien, 1908) этой задачи далеко не разрешает, хотя и является единственной грамматикой, составленной с учетом результатов сравнительно-исторических изысканий в области албанологии, достигнутых во второй половине XIX в.

остатки древней флексии переплетаются со вновь созданными продуктивными рядами флексивных форм, а также с разного рода описательными формами.

Действовавшие на протяжении многих веков фонетические процессы, в том числе процесс редукции гласных и согласных конечных слогов, а также процессы морфологического переразложения основ привели к тому, что лишь в очень немногих формальных элементах албанского слова, притом с большим трудом, определяются остатки общеиндоевропейских флексивных показателей. В то же время характерной чертой развития морфологической структуры албанского языка явилось образование новых флексивных форм, возникавших как путем переразложения основ, так и путем сращения аналитических сочетаний.

Пример возникновения новых рядов словоизменительных форм путем превращения элементов основы в окончания или в части окончаний дает наиболее продуктивный тип глагольного спряжения, имеющий в настоящем времени индикатива следующую парадигму:

Единственное число		Множественное число	
<i>ripoj</i>	«работаю»	<i>ripojhtë</i>	«работаем»
<i>ripon</i>	«работаешь»	<i>riponi</i>	«работаете»
<i>ripon</i>	«работает»	<i>riponjë</i>	«работают»

С точки зрения системы современного языка в качестве основы здесь выделяется *ripo-*, а элементы *-j*, *-n*, *-jhtë*, *-ni*, *-jñë* рассматриваются как личные окончания¹. Между тем исторически основой форм настоящего времени этого глагола являются варианты *ripon-*, *ripoj-* ($<riponj-$)², а остатки древней индоевропейской глагольной флексии можно усмотреть лишь в элементах *-htë*, *-i*, *-ñë*, выступающих в составе современных окончаний множественного числа.

Рассматриваемый весьма продуктивный разряд албанских глаголов в морфологическом отношении может быть возведен к древнему типу производных глаголов с суффиксом **-no-*³. Формы единственного числа 1-го лица *ripoj* (в южнотоскск. еще сохраняется более старая форма *riponj*), 2-го лица *ripon*, 3-го лица *ripon* с исторической точки зрения представляют собой варианты основы, которая некогда изменялась в сочетании с личными окончаниями, в дальнейшем подвергшимися редукции. Эти же варианты основы мы видим и в формах множественного числа — *ripojhtë*, *riponi*, *riponjë*. Но в то время как во множественном числе конечный элемент основы *-j/-n-* присоединился к старым личным окончаниям, в единственном числе *-j* и *-n* сами по себе приобрели функцию личных окончаний.

Аорист глаголов этого типа (в отличие от формы настоящего времени — также и исторически) имеет основу с исходом на гласный звук (*ripo-*), выступающую в двух вариантах — *ripo-* / *ripona-*, которые возникли в результате специфически албанского фонетического чередования. См., например:

¹ Такой принцип членения указанных форм глагола принят, в частности, в албанской школьной грамматике (см. L. D o d b i b a, S. S p a s s e, Gramatika e gjuhës shqipe. Për kl. e V-të dhe të VI-të të shkollave shtetëvjeçare. Botim i tretë, I, Tiranë, 1955, стр. 175).

² Для большинства албанских диалектов характерно изменение *-nj-*, *-nj>* *-j-*, *-j-*.

³ См. G. P e k m e z i, указ. соч., стр. 152.

Единственное
число

ripova «я поработал»¹
ripove
ripoi

Множественное
число

ripuat
ripuat
ripuan

С точки зрения современного языка здесь выделяется следующий ряд личных окончаний: *-va-*, *-ve*, *-i*, *-m*, *-t*, *-n*².

Исторически же в единственном числе остатками старой индоевропейской флексии являются лишь элементы *-a*, *-e*, *-i*. Входящий в состав окончаний 1-го и 2-го лиц единственного числа согласный *-v-* появился чисто фонетически на стыке двух гласных (конечного гласного основы *-o-* и окончаний *-a*, *-e*), благодаря чему оказалось ликвидированным нетерпимое для албанского языка звяние³.

Примером возникновения нового ряда флективных (или, скорее, агглютинативных) форм путем сращения аналитических сочетаний могут служить формы особой модальной категории так называемого адмиратива (по-албански *mënyga habitore*—«наклонение изумления»), которая выражает неожиданное, вызывающее изумление действие, имеющее при этом оттенок результативности. См. настоящее время адмиратива:

Единственное число

1-е лицо <i>ripuakam</i>	«я, оказывается, работаю, поработал»	<i>hapkam</i>	«я, оказывается, открываю, открыл»
2-е лицо <i>ripuake</i>	«ты, оказывается, работаешь, поработал»	<i>hapke</i>	«ты, оказывается, открываешь, открыл»
3-е лицо <i>ripuaka</i>	«он, оказывается, работает, поработал»	<i>hapka</i>	«он, оказывается, открывает, открыл»

Множественное число

1-е лицо <i>ripuakemi</i>	<i>hapkemi</i>
2-е лицо <i>ripuakeni</i>	<i>hapkeni</i>
3-е лицо <i>ripuakan</i>	<i>hapkan</i>

Формы эти образованы путем сращения краткого причастия *ripua-*, *hap(ë)-* и спрягаемого по лицам в настоящем времени вспомогательного глагола *kam* «имею» (ср. самостоятельный ряд спряжения этого вспомогательного глагола: ед. число — 1-е лицо *kam*, 2-е лицо *ke*, 3-е лицо *ka*; мн. число — 1-е лицо *kemi*, 2-е лицо *keni*, 3-е лицо *kanë*). Аналогично образуются имперфект (прошедшее длительное) адмиратива: ед. число — 1-е лицо *ripuakësha* «я, оказывается, работал», *hapkësha* «я, оказывается, открывал», 2-е лицо *ripuakëshe*, *hapkëshe* и т. д. (ср. имперфект глагола *kam*: ед. число 1-е лицо *kisha*, 2-е лицо *kishe* и т. д.).

Характерно, что, в сущности, одинаковый с формами адмиратива состав (т. е. личные формы вспомогательного глагола «иметь» в сочетании с при-

¹ Предлагаемые нами здесь и ниже переводы временных форм албанского глагола крайне приблизительны, так как большинство этих форм не имеет себе соответствий в русском языке. Особенно это касается так называемых относительных времен — плюсквамперфекта, будущего II и др. (см. ниже).

² См. L. Dodëbiba, S. Spasse, указ. соч., стр. 175.

³ См. об этом H. Pedersen, Bidrag til den albanesiske Sproghistorie, в сб. «Festskrift til Vilhelm Thomsen...», København, 1894, стр. 254. Еще ранее такое же объяснение было предложено О. Дозоном (см. A u g. D o z o n, Manuel de la langue chkepe ou albanaise. Grammaire, vocabulaire, chrestomathie, Paris, 1879, стр. 242).

частием спрягаемого глагола), но при обратном расположении своих элементов, имеют аналитические формы перфекта и плюсквамперфекта. Ср. 1-е лицо ед. числа в индикативе: перфект — тоск. *kat punuar* «я работал», *kat hapur* «я открыл», гегск. (с краткой формой причастия) *kat punue*, *kat hapë*, плюсквамперфект I — тоск. *kisha punuar* «я работал», *kisha hapur* «я открывал», гегск. *kisha punue*, *kisha hapë* и т. д. Эти аналитические формы индикатива, имеющие структурно и семантически вполне адекватные себе параллели во многих современных индоевропейских языках (например, в германских и романских), не обнаруживают, однако, в албанском языке никаких тенденций к сращиванию.

Возможность образования особых рядов флективных форм адмиратива путем сращения аналитической конструкции была, как нам кажется, связана с постпозицией служебного слова, содействовавшей превращению его из самостоятельной лексической единицы в формальный показатель — в соответствии с традиционным для индоевропейских языков порядком расположения морфем в составе флективного слова. Постановка на первое место лексически полновесной части аналитического сочетания (*punua-*, *hapë-*) в свою очередь могла быть обусловлена эмфатическим выдвиганием вперед семантически более важного элемента. В сравнении с нейтральными в модальном отношении формами перфекта и плюсквамперфекта индикатива подчеркнутая экспрессивность албанского адмиратива получала таким образом некогда формальное выражение при помощи особого порядка слов, обусловившего с течением времени возможность сращения аналитического сочетания в одно целое и создания нового словоизменительного ряда.

С другой стороны, возможно, что в период зарождения аналитических сочетаний, послуживших основой для образования форм адмиратива, первый элемент этих сочетаний, который является особой краткой формой причастия, в настоящее время сохранившейся только в гегском диалекте, был собственно не причастием, а именем действия и выполнял роль инфинитива. История отдельных индоевропейских языков знает немало случаев образования новых флективных форм путем сращения сочетаний имен действия с тем или иным вспомогательным глаголом¹, причем во всех подобных случаях возможность сращения была обусловлена наличием определенного порядка слов внутри сочетания, а именно — положением изменяемых по лицам форм вспомогательного глагола в конце сочетания. Для форм албанского адмиратива, помимо присущего им резко модального характера, особенно специфична прозрачность их строения, позволяющая назвать весь этот словоизменительный ряд скорее агглютинативным, чем флективным.

Своеобразное сочетание остатков старой индоевропейской флексии с новыми флективными формами наблюдается и в албанском именном склонении. Это особенно ярко выступает при сопоставлении неопределенных и определенных (образованных при помощи суффиксированного артикля) форм; ср., например, в им. падеже ед. числа жен. рода: неопред. *natë* «ночь» — опред. *nata*, а также в род. падеже ед. числа неопред. *nate* — опред. *natës*. На первый взгляд может показаться, что именно определенные формы *nata* и *natës* являются непосредственным продолжением индоевропейских форм им. падежа ед. числа на *-ā и род. падежа ед. числа на *-as. Однако в действительности это не так. Остатками индоевропейских показателей являются -ë (сильно редуцированный гласный смешанного ряда)

¹ Ср. образование форм латинского имперфекта и германского слабого претерита, происшедшее задолго до появления письменных памятников; в новое время во французском, испанском и итальянском аналогичным путем возникли формы простого будущего.

в неопределенной форме им. падежа ед. числа и *-e* в неопределенной форме род. падежа ед. числа. Окончания же определенных форм возникли в результате наращения к имени постпозитивного артикля. В частности, появляющееся в род. падеже ед. числа (*natës*) окончание *-s* генетически не имеет ничего общего с индоевропейской флексией родительного падежа, но представляет собой начальный согласный местоименной основы, выступающей в косвенных падежах ед. числа артикля женского рода (в самостоятельном употреблении *së*); ср. также окончание *-t* в определенной форме род. падежа ед. числа муж. рода (*birit* «сына»), имеющее себе соответствие в форме косвенных падежей самостоятельно употребляющегося артикля муж. рода (*të*).

Определяя общий тип морфологической структуры албанского языка, мы можем отметить, что, хотя вся система унаследованных от общеиндоевропейского состояния именных и глагольных флексий в албанском языке подверглась существенной перестройке и выступает в едва узнаваемом виде, структура в целом продолжает сохранять синтетический флективный характер. Наличие большого числа аналитических рядов глагольных форм не противоречит этому определению, так как в состав каждого такого ряда всегда входят изменяемые по лицам формы вспомогательного глагола. Если входящие в состав глагольной формы служебные частицы не подлежат изменению, спрягается по лицам сам основной глагол (ср. тоскские формы будущего I — ед. число 1-го лица *do të punoj* «я буду работать», 2-го лица *do të punosh*, 3-го лица *do të punojë* и т. д.). В таких случаях вряд ли можно говорить об аналитических формах в обычном значении этого термина.

В связи с тем, что основная роль в системе выражения грамматических отношений принадлежит формам словоизменения, порядок слов является относительно свободным, хотя и существуют определенные нормы обычного расположения членов предложения¹. Отступления от этих норм, встречающиеся постоянно как в письменном языке, так и в устной речи, всегда связаны с моментами смыслового и стилистического порядка.

*

Глагол в албанском языке характеризуется категориями лица, числа, времени, наклонения и залога. Все эти категории выражаются морфологически, в основном при помощи средств словоизменения. Система форм албанского глагола очень дифференцирована и включает как простые формы, так и описательные (аналитические).

Лицо и число (единственное и множественное) выражаются обычно (но не всегда) посредством специальных окончаний, иногда также при участии флексии основы. Для единственного числа настоящего времени индикатива единные окончания во всех типах спряжения установить невозможно, так как старые индоевропейские окончания полностью редуцировались (за исключением нескольких реликтовых форм, представляющих глаголы на **-mi*), а новые различия в оформлении связаны исключительно с изменениями (или иногда с отсутствием изменений) конечного звука основы.

Как мы видели выше, для продуктивного разряда глаголов, 1-е лицо которых в единственном числе оканчивается на *-j* (<*-nj*), а основа с точки зрения современного состояния языка имеет конечным звуком гласный или дифтонг (например: *punoj* «работаю», *thaj* «сушу», *kthej* «поворачиваю», *krirj* «расплавляю, -юсь», *shkruraj* «пишу», *thyej* «ломаю» и др.), функцию окончаний приобрели элементы *-j* и *-n*, бывшие некогда составной частью

¹ См. M. D o m i, Gramatika e gjuhës shqipe, II—Sintaksa, Tiranë, 1955, стр. 157,

основы. Огромное количество глаголов этого типа и, в частности, исключительная продуктивность глаголов на *-oj* обусловили возможность морфологизации первоначально чисто фонетического чередования.

Но не могло произойти морфологизации аналогичного по своему происхождению чередования (*-s < *-lj*) в глаголах типа *flas*, *flet*, *flet* «говорю, -ишь, -ит», *bërtas*, *bërtet*, *bërtet* «кричу, -ишь, -ит», число которых в языке ограничено и сам тип мало продуктивен. Здесь имело значение также и то, что наряду с этими глаголами существует большое количество глаголов (непроизводных) с исходом основы на согласный или гласный и не имеющих никаких окончаний во всех трех лицах единственного числа. В глаголах типа *flas*, *flet*, *flet* «говорю, -ишь, -ит», *pëlcás*, *pëlcët*, *pëlcët* «взрываюсь, трескаюсь, -ешься, -ется» чередование согласных является таким же элементом флексии основы (внутренняя флексия), как и чередование гласных, а личные окончания единственного числа настоящего времени отсутствуют.

Для очень многих глаголов характерна омонимия форм для двух, а часто и для трех лиц ед. числа наст. времени. Лишено каких-либо формальных показателей лица в ед. числе наст. времени индикатива большое количество глаголов, относящихся к древнейшей исконной части словарного состава, например: 1-е, 2-е и 3-е лицо ед. числа *hap* «открываю, -ешь, -ет», 1-е, 2-е и 3-е лицо *lë* «оставляю, -ешь, -ет» и др. Сопоставление с четко дифференцированными формами мн. числа *hapim*, *hapni*, *hapin* «открываем, -ете, -ют» дает возможность говорить в подобных случаях о нулевой флексии.

Несмотря на это, личные формы албанского глагола, в частности формы 1-го и 2-го лица, не должны обязательно сопровождаться личным местоимением (как это характерно для современных германских и, частично, для романских языков), в чем албанский язык, таким образом, продолжает сохранять старый индоевропейский тип употребления личной глагольной формы. Постановка личного местоимения в албанском, будучи факультативной, дает лишь возможность подчеркнуть указание на определенное лицо.

Албанский язык не имеет грамматической категории глагольного вида. Видовые значения в известной мере сопутствуют временным, например формы настоящего времени и имперфекта всегда выражают длительное действие, аорист означает недлительное, завершенное действие в прошлом или же передает совершившееся действие, взятое вне отношения к времени его протекания.

Так же, как это было характерно для древних индоевропейских языков, в албанском с видовременной дифференциацией связано различие в оформлении основы настоящего времени (длительное действие), с одной стороны, и основы аориста (недлительное действие), с другой. Ср., например, в 1-м лице ед. числа:

Наст. время		Аорист
<i>flas</i>	«говорю»	<i>fola</i>
<i>bërtas</i>	«кричу»	<i>brita</i>
<i>bredh</i>	«бреду, б ожу»	<i>brodha</i>
<i>mërdhij</i>	«мерзну»	<i>mardha</i>
<i>ngreh</i>	«поднимаю»	<i>ngrita</i>
<i>zë</i>	«хватаю»	<i>z ura</i>
<i>marr</i>	«беру»	<i>mora</i>
<i>ha</i>	«см»	<i>hëngra</i>
<i>fle</i>	«сплю»	<i>fjeta</i>

Но такая дифференциация имеет место только внутри системы построения форм одного и того же глагола. В глагольном же словообразовании

различия видовых значений не играют роли и поэтому не получают никакого выражения. Очень распространенные в албанском языке глагольные приставки никогда не выступают как средство перфективации и служат исключительно для лексической модификации значения соответствующего глагола (например: *vesh* «одеваю» — *çvesh* «раздеваю», *vendos* «помещаю» — *çvendos* «перемещаю») или для образования глагола от какой-либо другой части речи (например, наречие *poshtë* «внизу, вниз» — глагол *mposht* «подчиняю, порабощаю»).

Для албанского глагола характерна очень разветвленная система временных форм. Только в индикативе действительного залога насчитывается восемь времен (первые три из них являются простыми, а остальные аналитическими): 1) настоящее; 2) прошедшее несовершенное, или имперфект; 3) аорист, или (согласно терминологии, принятой в албанской школьной грамматике) «простое совершенное»; 4) перфект (образуется аналитически при помощи форм настоящего времени глагола *kam* «имею» и причастия спрягаемого глагола, например: тоскск. *kam hapur*, гегск. *kam hapë* «я открыл»); 5) преждепрошедшее I, или плюсквамперфект I, его значение — длительное действие, предшествовавшее другому действию в прошлом (образуется аналитически путем сочетания форм имперфекта глагола «иметь» и причастия спрягаемого глагола, например: тоскск. *kisha hapur*, гегск. *kishe hapë* «я открывал»); 6) преждепрошедшее II, или плюсквамперфект II, его значение — недлительное завершённое действие, предшествовавшее другому действию в прошлом (образуется путем сочетания форм аориста глагола «иметь» с причастием спрягаемого глагола, например тоскск. *pata hapur*, гегск. *pata hapë*); 7) будущее I (в тоскском диалекте образуется при помощи превратившейся в неизменяемую частицу *do* формы глагола *dua* «хотеть», союза *të* и личных форм конъюнктива настоящего времени спрягаемого глагола, например: *do të hap* «открою», *do të hapësh* «откроешь»; в гегском диалекте образуется из личных форм индикатива настоящего времени глагола *kam* «иметь» и аналитической формы инфинитива спрягаемого глагола, например: *kam te hapë* «открою»); 8) будущее II — сравнительно редко употребляемая форма, передает действие, предшествующее в будущем другому действию (в тоскском диалекте представляет собою сочетание частиц *do* и *të*, личных форм конъюнктива настоящего времени глагола «иметь» и причастия спрягаемого глагола, например: *do të kem hapur*; в гегском диалекте — сочетание личных форм наст. времени индикатива глагола «иметь» и сложной аналитической формы инфинитива прошедшего времени, состоящей из предлога *me*, причастия вспомогательного глагола «иметь» и причастия спрягаемого глагола, например: *kam me pasë hapë*¹).

Те же восемь форм имеет индикатив возвратно-страдательного залога. Кроме того, по четыре временных формы имеет конъюнктив (сослагательное наклонение) в действительном и в страдательном залоге. По две временных формы имеют в каждом залоге оптатив (желательное наклонение) и кондиционалис (условное наклонение). Наконец, по четыре временных формы в каждом залоге может иметь адмиратив.

Таким образом, переходный глагол, будучи спрягаем в двух залогах и в шести наклонениях (включая повелительное), может образовать до 42 различных временных форм. Конечно, все эти формы употребительны далеко не в равной мере. Такие относительные времена, как плюсквамперфекты I и II, а также будущее II, принадлежат, в основном, сфере письменного языка, а в живой речи встречаются сравнительно редко. Но в целом

¹ Мы не привели здесь некоторых еще более сложных аналитических временных форм, употребляемых редко и имеющих в значительной мере искусственный характер.

соотношение временных форм албанского глагола представляет собой стройную и вполне продуктивную систему, с которой тесно связана система наклонений, имеющих каждое свой особый морфологический ряд.

Типы спряжения албанских глаголов отличаются значительной пестротой и могут быть подразделены на: 1) регулярный и продуктивный, 2) регулярный, но не продуктивный, 3) нерегулярный, или неправильный¹. Как известно, во всех индоевропейских языках, в результате длительных процессов переоформления, взаимодействия и выравнивания морфологически различных рядов спряжения, происходил отбор того или иного морфологического типа, приобретающего в условиях данного конкретного языка или группы языков наибольшую продуктивность. Остальные же типы, при всей их значимости для системы языка более древнего периода, отодвигались на второй план, с тенденцией к переходу в ряды так называемых «неправильных глаголов».

В албанском языке наибольшее распространение приобрел тип глаголов, восходящий к старому тематическому образованию производных глаголов на **-n-io-* (в основе настоящего времени). Этот тип послужил исходным пунктом для развития самой продуктивной для современного албанского языка модели глагольного словообразования.

Значительно меньшее распространение имеют глаголы, морфологически восходящие к старому типу с суффиксом **-tjo-* в основе настоящего времени и обнаруживающие в современном языке чередование *-s/-t-* в исходе основы². Старый индоевропейский тип первичных тематических глаголов, основа которых не имела в своем составе суффикса **-i-*, также сохраняется в албанском языке как пока еще довольно обширная, но уже совсем непродуктивная группа. Из регулярной системы албанских глагольных спряжений совершенно выпадает спряжение глаголов *jam* «я есмь», *kam* «имею», *thom* «говорю», восходящее к индоевропейскому тематическому спряжению глаголов на **-mi*.

Простые формы прошедшего времени (имперфект и аорист) представляют собой результат своеобразного переоформления старых индоевропейских временных форм. Особенно характерен в этом отношении аорист, который, подобно латинскому перфекту и германскому сильному претериту, образовался путем смешения и объединения форм старых перфекта и аориста. Так, например, формы албанского аориста с огласовкой *-o-* в корне, образуемые от глаголов с дифтонгом *-ie-* (из **-e-*) в формах настоящего времени (например: наст. время *djeg* «жгу» — аорист *dogja*, наст. время *rjek* «пеку» — аорист *roga* и др.), восходят к древним индоевропейским формам перфекта с огласовкой *-ē-* в корне³.

В то же время некоторые, очень немногие глаголы сохраняют остатки форм сигматического аориста, например при наст. времени *jam* «я есмь» — супплетивный аорист *qeshë* «я был»; наст. время *thom* «говорю» — аорист *thashë* «я сказал»; наст. время *lë* «оставляю» — аорист *lashë* «я оставил»; наст. время *shoh* «вижу» — супплетивный аорист *pashë* «я видел, увидел»; наст. время *ap* «даю» — супплетивный аорист *dhashë* «я дал» и др.

Как и в других современных индоевропейских языках, в албанском архаические по своему формообразованию глаголы относятся к числу наиболее важных и часто употребляемых. Поэтому наличие довольно

¹ В грамматиках албанского языка классификация глаголов по типам спряжения производится обычно в зависимости от исходного звука основы.

² К этой группе примыкает известное количество глаголов, заимствованных из славянского в форме инфинитива на *-ti*, например *gosit* «угощаю», *grabit* «граблю», *zbavit* «забавляю, развлекаю» и др.

³ Этот факт был впервые установлен Г. Мейером (G. Meyer, Zum indogermanschen ē-Perfektum, «Indogerm. Forsch.», Bd. V, Hf. 2, 1895, стр. 181).

обширной группы непроеизводных глаголов, характеризующихся разного рода отклонениями от регулярного типа спряжения, представленного преимущественно глаголами производными или заимствованными, составляет одну из специфических черт морфологической системы албанского языка.

Сложность глагольного формообразования усугубляется значительным количеством исторических чередований как гласных, так и согласных звуков в составе основ довольно большого числа глаголов. Так, например, глагол *marr* «брать» имеет в настоящем времени индикатива следующий ряд форм: ед. число: 1-е лицо *marr*, 2-е лицо *merr*, 3-е лицо *merr*; мн. число: 1-е лицо *marrim*, 2-е лицо *merrni*, 3-е лицо *marrin*; в имперфекте: ед. число 1-е лицо *mirja*, 2-е лицо *mirje* и т. д.; в аористе ед. число: 1-е лицо *mora*, 2-е лицо *more*, 3-е лицо *mor*; мн. число: 1-е лицо *tuarmë*, 2-е лицо *tuartë*, 3-е лицо *tuarnë*. Ср. спряжение глагола *djeg* «сжигать»: наст. время 1-е лицо ед. числа *djeg*, 2-е лицо мн. числа *digjni*; имперфект 1-е лицо ед. числа *digja*; аорист 1-е лицо ед. числа *dogja* и др.

Некоторые глаголы из числа наиболее употребительных имеют супплетивное формообразование, т. е. в одном ряду спряжения стоят формы, происходящие от разных корней. Ср., например, наст. время 1-е лицо ед. числа *kam* «имею» — аорист 1-е лицо ед. числа *pata*, причастие *pasur*; *jam* «я есмь» — аорист *qeshë*, причастие *qënë*; *ap* «даю» — аорист *dhashë*, причастие *dhënë*; *bie* «несу» — аорист *prura*, причастие *prurë*; *bie* «падаю» — аорист *rashë*, причастие *rënë*; *rr* «сизу, пребываю» — аорист *ndëjta*, причастие *ndënjur*; *shoh* «вижу» — аорист *pashë*, причастие *parë*; *vi* «прихожу» — аорист *erdha*, причастие *ardhur*.

Если учесть, что простые временные формы индикатива действительного залога, отличающиеся, как мы видим, значительным разнообразием, лежат в основе построения простых, полуаналитических и аналитических форм других наклонений, а также в основе формы страдательного залога, следует признать, что спряжение глагола в албанском языке представляет собой очень сложную, морфологически довольно пеструю, но в то же время весьма стройную систему.

В сравнении с богатством личных форм именные формы албанского глагола не отличаются разнообразием. В албанском языке существует собственно только одно причастие — причастие прошедшего времени, оформление которого различно в двух основных албанских диалектах.

По своему происхождению форма тоскск. *hapur*, гегск. *hapin* «открытый» восходит к индоевропейскому причастию на *-ono¹. Происхождение краткого *hapë*, выступающего в качестве основной формы причастия [рядом с формами на -m(ë) и -mun] в гегском диалекте и сохранившегося в тоскском лишь в составе форм адмиратива (ср. *hapkam* «оказывается, я открыл»), остается неясным; вероятнее всего это было некогда имя действия, непосредственно связанное с глаголом². Албанское причастие имеет страдательное значение для переходных и активное для непереходных глаголов; оно играет очень большую роль в построении аналитических форм. Выступая в качестве определения, причастие ничем не отличается от обычных прилагательных. Случаи лексического обособления причастий и превращения их в нормальные прилагательные встречаются очень часто. Значение «сопровождающего действия» (в албанской грамматике *mënyra*

¹ См. об этом: N. J o k' i, Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen, Berlin und Leipzig, 1923, стр. 189.

² По мнению Г. Пекмези, первоначально это был инфинитив (см. G. P e k m e z i, укал. соч., стр. 78).

përcjellore «сопроводительное наклонение»; ср. в русском деепричастие настоящего времени) передается с помощью аналитического сочетания причастия с частицей тоскск. *duke*, гегск. *tue*, например: тоскск. *duke hapur*, гегск. *tue harë* «открывая».

Особой формы инфинитива албанский язык не имеет. В тоскском диалекте соответствующие значения передаются при помощи сослагательного наклонения (конъюнктива), например, *dua të hap* «хочу открыть», или посредством специального целевого описательного оборота — *për të hapur* «чтобы открыть», в состав которого входит причастие. В гегском диалекте существует и очень широко употребляется описательная конструкция, состоящая из предлога *me* «с» и краткого причастия — *me harë* «открыть». Эта форма по своему значению более всего соответствует инфинитиву в обычном понимании данного термина.

Различия в формах причастия и в их употреблении, различия в построении форм будущего времени, отсутствие инфинитива в тоскском при наличии специального аналитического выражения его значения в гегском — все это вместе составляет круг наиболее значительных расхождений, существующих в грамматической системе двух основных албанских диалектов.

*

Имени существительному в албанском языке присущи категории рода, числа, падежа, а также определенности и неопределенности. Категория определенности свойственна многим индоевропейским языкам (например, современным романским и германским, из славянских — болгарскому и македонскому). Формальным ее выражением является система артиклей, из которых определенные всегда восходят к указательным местоимениям. Специфической особенностью албанского языка является выражение определенности существительного при помощи постпозитивных артиклей, слившихся с основой слова в единое целое и превратившихся таким образом из некогда самостоятельного служебного слова в формальный аффикс (ср. аналогичный способ выражения определенности в румынском, болгарском, македонском и скандинавских языках). Артикли эти различаются в зависимости от грамматического рода соответствующего имени существительного. Неопределенная, или общая, форма характеризуется отсутствием артикля. Значение неопределенной единичности передается при помощи так называемого неопределенного артикля, собственно числительного *një* «один». Ср. в женском роде: *va jzë* «девушка вообще», *një va jzë* «одна (какая-либо) девушка» и определенная форма — *va jza* «данная конкретная девушка». Или в мужском роде: *fshatar* «крестьянин вообще», *një fshatar* «один некий крестьянин» и *fshatari* «данный определенный крестьянин».

Помимо суфигированного артикля, служащего для выражения грамматической категории определенности, в албанском языке имеется второй тип артикля также местоименного происхождения, но употребляющийся отдельно как служебное слово. Основная функция этого артикля — связывать определение с определяемым, например *djali i urtë* «умный мальчик», *biri i partizanit* «сын партизана», *va jza e urtë* «умная девочка», *bija e partizanit* «дочь партизана».

Кроме того, так называемый изолированный артикль обычно ставится перед субстантивированными прилагательными, а также перед терминами родства, если они не имеют при себе притяжательного местоимения или другого определения, например: *i ati* «отец», *e motra* «сестра» (но *im ati* «мой отец», *ime motra* «моя сестра»). Изолированный

артиклъ не служит для выражения категории определенности и поэтому не может заменять собой суффиксированного артикла.

В албанском языке существует категория грамматического рода. Преобладающая часть словарного состава распределяется по двум родам — мужскому и женскому. Слов среднего рода очень мало. В первую очередь это названия некоторых веществ, применяемых в питании, например (в определенной форме): *mjaltët* «мед», *gjalpët* «сливочное масло», *vaji* «растительное масло», *misht* «мясо», *djathët* «сыр», *ujët* «вода» и т. д. Употребление их в среднем роде очень неустойчиво. Наблюдается сильная тенденция к переводу этих существительных в категорию мужского рода: (опред.) *mjalti*, *gjalpi*, *vaji*, *mishi*, *djathi*, *uji*. Так же неустойчиво употребление в среднем роде абстрактных существительных, образуемых путем субстантивации прилагательных и причастий, например: *të mirët* «добро», *të thënët* «судьба» (буквально «сказанное»). Существительные этого типа в настоящее время чаще употребляются в женском роде: *e mira*, *e thëna*. Местоимения совсем не имеют форм среднего рода.

В общем можно сказать, что средний род в албанском языке — это категория, находящаяся на пути к исчезновению¹. В албанском, как и в других индоевропейских языках, дифференциация имен существительных по родам используется при согласовании определения с определяемым. Определение обычно согласуется со своим определяемым в роде — при помощи стоящего перед определением связующего артикла, например: *nxënës* (неопред.) *i zgjuar* «развитой ученик».

В построении аналитических глагольных форм категория рода не участвует. Причастия спрягаемого глагола, входящие в состав этих форм, не изменяются ни по родам, ни по числам; ср., например, формы перфекта страдательного залога *jam lidhur*, «я связан, -а, меня связали», *jemi lidhur* «мы связаны, нас связали». Те же причастия, попадая в определительное словосочетание или будучи субстантивированы, получают вместе с изолированным артиклем категорию рода, например *armiku i lidhur* «связанный враг», в субстантивированном виде: *i lidhuri* «связанный», *e lidhura* «связанная».

Одной из наиболее характерных черт именного словоизменения в албанском языке является подчеркнутое противопоставление основ единственного и множественного числа у преобладающего большинства (хотя и не у всех) имен существительных. В неопределенных формах им. и вин. падежей обоих чисел эти основы выступают, лишенные каких-либо добавочных показателей. В остальных падежах неопределенного склонения к соответствующим основам присоединяются падежные окончания.

Типы образования основы множественного числа, особенно у существительных мужского рода, очень разнообразны, что находит свое объяснение в истории. Прослеживая сохранение в качестве аффиксов множественного числа старых окончаний именительного и винительного падежей, выделение в качестве специальных показателей множественности конечных звуков основы и создание флексии основы путем использования фонетических чередований, надо иметь также в виду процессы взаимодействия отдельных типов, распространение более продуктивных типов за счет менее продуктивных, что способствовало затемнению картины непосредственной преемственности между древним и новым состоянием языка в отношении не только отдельных форм, но и отдельных морфологических рядов.

¹ См. об этом Н. Pedersen, Das albanesische Neutrum, «Zeitschr. für vergl. Sprachforschung auf dem Gebiete der indogerm. Sprachen», Bd. XXXVI (Neue Folge, Bd. XVI), 1900.

В албанском языке существуют два типа склонения — неопределенное и определенное. Последнее образовано путем суффиксации падежных форм постпозитивного артикля. В современном литературном албанском языке имеются следующие падежи: именительный, родительный, дательный, винительный и отложительный.

Склонение существительных мужского рода

	Неопред.	Опред.	Неопред.	Опред.
	Единственное число			
Им. п.	<i>mal</i>	«гора» <i>mali</i>	<i>plak</i>	«старик» <i>plaku</i>
Род. п.	<i>mali</i>	<i>malit</i>	<i>plaku</i>	<i>plakut</i>
Дат. п.	<i>mali</i>	<i>malit</i>	<i>plaku</i>	<i>plakut</i>
Вин. п.	<i>mal</i>	<i>malin</i>	<i>plak</i>	<i>plakun</i>
Отлож. п.	<i>mali</i>	<i>malit</i>	<i>plaku</i>	<i>plakut</i>
	Множественное число			
Им. п.	<i>male</i>	<i>malet</i>	<i>pleq</i>	<i>pleqtë</i>
Род. п.	<i>maleve</i>	<i>malevet</i>	<i>pleqve</i>	<i>pleqvet</i>
Дат. п.	<i>maleve</i>	<i>malevet</i>	<i>pleqve</i>	<i>pleqvet</i>
Вин. п.	<i>male</i>	<i>malet</i>	<i>pleq</i>	<i>pleqtë</i>
Отлож. п.	<i>malesh</i>	<i>malevet</i>	<i>pleqsh</i>	<i>pleqvet</i>

Склонение существительных женского рода

	Неопред.	Опред.	Неопред.	Опред.
	Единственное число			
Им. п.	<i>vajzë</i>	«девушка» <i>vajza</i>	<i>grua</i> ¹	«женщина» <i>gruaja</i>
Род. п.	<i>vaizë</i>	<i>vajzës</i>	<i>gruajë</i>	<i>gruas</i>
Дат. п.	<i>vaizë</i>	<i>vajzës</i>	<i>gruajë</i>	<i>gruas</i>
Вин. п.	<i>vajzë</i>	<i>vajzën</i>	<i>grua</i>	<i>gruan</i>
Отлож. п.	<i>vajze</i>	<i>vajzës</i>	<i>gruajë</i>	<i>gruas</i>
	Множественное число			
Им. п.	<i>vajza</i>	<i>vajzat</i>	<i>gra</i>	<i>gratë</i>
Род. п.	<i>vajzave</i>	<i>vajzavet</i>	<i>grave</i>	<i>gravet</i>
Дат. п.	<i>vajzave</i>	<i>vajzavet</i>	<i>grave</i>	<i>gravet</i>
Вин. п.	<i>vajza</i>	<i>vajzat</i>	<i>gra</i>	<i>gratë</i>
Отлож. п.	<i>vajzash</i>	<i>vajzavet</i>	<i>grash</i>	<i>gravet</i>

Формы род. и дат. падежей совпадают во всех случаях, что как будто дает основание говорить о единой форме род.-дат. падежа. Однако значения этих форм вполне дифференцированы. Род. падеж выступает только в определительных сочетаниях (обязательно с препозитивным артиклем), дат. падеж — только как падеж косвенного объекта. Отложит. падеж по своему оформлению также совпадает с род. и дат. падежами; исключение составляет неопределенная форма множественного числа этого падежа, которая имеет свой особый показатель *-sh*. Отложит. падеж отличается значительной широтой функций и может употребляться как самостоятельно, так и в сочетаниях с предлогами.

Им. и вин. падежи, по форме совпадающие в неопределенном склонении и во множественном числе определенного склонения, четко дифференцируются в единственном числе определенного склонения. В целом формы определенного склонения более четко, чем формы склонения неопределенного, охарактеризованы при помощи специальных флективных показателей. Несмотря на частичную омонимию форм, албанские падежи сохраняют свою грамматическую значимость, и употребление предлогов лишь дополняет и лексически разнообразит систему значений, выражаемую при помощи падежных форм.

Своеобразные черты имеет оформление и употребление прилагательных в современном албанском языке. Так как этот вопрос нуждается в более

подробном освещении в связи с общим вопросом о всей системе выражения определительных отношений, отметим кратко лишь несколько характерных моментов.

Прилагательные подразделяются на две категории: 1) употребляемые с артиклем, например *pusi i thellë* «глубокий колодезь», *puna e madhe* «большой труд», и 2) употребляемые без артикля, например *pusi vajguror* «нефтяная скважина (колодезь)», *puna paqësore* «мирный труд».

Основной для языка категорией являются прилагательные, употребляемые с артиклем. Структура определительного сочетания, включающего такое прилагательное, совпадает со структурой сочетания, в котором в качестве определения выступает форма род. падежа имени; ср. *zotë i urtë* «умный хозяин» и *zotë i shëpërisë* «хозяин дома», *maja e lartë* «высокая вершина» и *maja e malit* «вершина горы».

Когда определение находится в своей нормальной позиции, т. е. после определяемого, прилагательное по падежам не изменяется и сохраняет свою неопределенную форму. Согласоваться с определяемым именем оно может лишь в роде и числе, что, однако, происходит не во всех случаях. В основном функция согласования в роде, числе и падеже выполняется артиклем.

Если, в порядке инверсии, прилагательное в определительном сочетании попадает на первое место, тогда определяемое существительное оказывается в неопределенной форме и не склоняется, прилагательное же получает падежные окончания, например им. падеж ед. числа *i dashuri mik* «милый друг», вин. падеж ед. числа *e dashurin mik* «милого друга» и т. д.; ср. при нормальном, неинверсированном порядке слов: *miku i dashur*, *mikun e dashur*.

Предложенный нами обзор ряда особенностей морфологической структуры албанского языка не может, конечно, дать полного представления об этой структуре. Перед автором стояла цель — сделать лишь первый шаг по пути включения албанского материала в круг типологических сравнений языков индоевропейской семьи, осуществление чего является, как нам кажется, неотъемлемым моментом изучения истории этих языков.
